

DOI 10.15407/sociology2020.04.005
УДК 316:61

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела истории и теории Института социологии НАН Украины, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” (01021, Киев, ул. Шевченко, 12)

VIKTOR STEPANENKO,

Doctor of Science in Sociology, Chief Research Fellow at the Department of History and Theory of Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, Editor-in-Chief of the journal “Sociology: theory, methods, marketing” (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

vikstepa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3623-0057>

COVID-19 как новая социальная реальность¹

Пандемия COVID-19 в своих глобальных и разнообразных последствиях влияет на изменения многих сфер социальной реальности, в частности на трансформацию социальных коммуникаций и формирование новых правил, связанных с социально-биологической безопасностью в современных обществах риска. Показательно, что главная работа по этой проблематике, которую издал немецкий социолог У. Бек в 1986 году после Чернобыльской катастрофы, уже содержала соответствующие рефлексии, в частности в выводах об усилении взаимозависимости человечества в столкновении с динамичными и малопредсказуемыми опасностями и о прозрачности государственных границ для новых глобальных угроз. Нужно также отметить, что исследования социальных последствий Чернобыля специалистами Института социологии НАН Украины до сих пор остаются актуальными применительно к анализу чрезвычайной ситуации пандемии COVID-19, в частности к определению поведенческих паттернов населения в условиях пандемии и посткарантинного периода, оценок целесообразности и эффективности мер по преодолению последствий пандемии и т. п.

Коронавирусная пандемия стала мощной манифестацией уязвимости глобального общества риска. Ее эпидемиологические, экономические, политические, культурные, информационно-медийные, социально-психоло-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта 2020. 01/ 0212 “Социальные последствия пандемии COVID-19 в контексте общественной трансформации в Украине: социологический подход” при грантовой поддержке Национального фонда исследований Украины для выполнения научных исследований и разработок в 2020 году.

Цитирование: Степаненко, В. (2020). COVID-19 как новая социальная реальность. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 5–22.

гические и другие измерения, а также опыт, уроки и последствия пандемии уже стали предметом внимания и еще долго будут оставаться в фокусе разных экспертиз и научных исследований. Цель данной статьи — артикулировать отдельные аспекты социальной проблематики пандемии COVID-19 под углом зрения социологических подходов и очертить определенные особенности коронавирусного кризиса в Украине, в частности на основе обзора и анализа результатов социологических исследований.

Коронавирусный кризис

Социально-экономический мировой кризис, вызванный быстрым распространением коронавируса, относится к наиболее ощутимым, зримым для массового восприятия и часто упоминаемым последствиям и глобальным рискам пандемии. По экспертным оценкам Всемирного банка, в 2020 году глобальный ВВП упадет больше всего со времен Второй мировой войны — на 5,2%. Потери отечественной экономики соизмеримы с этими показателями [Вплив COVID-19, 2020: с. 6].

Эксперты уже изучают экономический опыт разных стран и различных моделей государственного управления в плане их эффективности в противостоянии пандемии COVID-19. Так, например, американский исследователь Т. Пепински [Pepinsky, 2020], опираясь на анализ огромного статистического массива, полученного на конец мая 2020 года, пришел к выводу о том, что наиболее эффективными в данном контексте оказались две экономико-управленческие модели, а именно “социально-демократического капитализма” (термин американского социолога Лейна Кенворти) [Kenworthy, 2020]) и “капитализма государства развития” (developmental state capitalism). К первой модели тяготеют Германия и скандинавские страны, ко второй — передовые и развитые экономики Азии, в частности Японии и Южной Кореи. И хотя эти модели весьма различны, учитывая особенности и исторические традиции управленческих подходов к экономической активности и социальной политике, общим моментом в них является довольно активная роль государства в сопровождении экономических процессов, а также активное сотрудничество государства с бизнесами. По мнению эксперта, именно такое эффективное сотрудничество между государственным и частным секторами позволило правительствам Германии и Южной Кореи осуществлять быстрое и массовое тестирование населения своих стран, а также применять довольно эффективные подходы для контроля над распространением коронавируса и лечением инфицированных [Pepinsky, 2020].

Еще одним показательным примером существенно разных результатов эффективности противостояния пандемии оказались опыты Испании и Греции весны 2020 года. На 5 апреля 2020 года в Испании было около 130 тысяч подтвержденных случаев заражения коронавирусом и около 12 тысяч смертей, а в Греции в то же время — около 1700 подтвержденных случаев и 68 смертей. Отвечая на вопрос, “почему две средиземноморские страны, где люди одинаково любят солнце, посиделки в барах и социальные контакты, страны, которые имели перед собой урок Италии, получили столь разное развитие эпидемии”, исследователь из университета Хельсинки Такис Пашас называет три причины [Parras, 2020]. По его мнению, успешность греческого опыта противостояния пандемии связана с такими факторами,

как: 1) обоснованная решительность и ответственность руководства государства; в частности, Греция гораздо быстрее, чем Испания ввела карантинные ограничения — к примеру, все школы в стране закрылись уже на 13-й день после первого диагностированного больного COVID-19, тогда как в Испании аналогичное ограничение было введено лишь на 43-й день, когда уже почти месяц в стране регистрировались смерти от болезни; 2) способность государств, эффективность правительств и их систем здравоохранения во времена кризиса; 3) готовность общества соблюдать правила, установленные при чрезвычайной ситуации (так, в период пандемии греческому правительству удалось найти общий язык с политической оппозицией и различными группами интересов и убедить общество в оправданности карантинных ограничений, заручившись общественной поддержкой в отношении своих действий) [Pappas, 2020].

Характерно, что объяснение причин “греческого успеха” противостояния коронавирусу факторами эффективности правительства и общественного диалога совпадают с многими аргументами институционального подхода (например, в исследовании Роберта Патнема касательно успехов и неудач реформы местного самоуправления в разных регионах Италии). В то же время страны с неэффективной экономикой, с ослабленными или неразвитыми государственными институтами, а также те, где вместо рационально-технократических в основном доминируют хаотичные или авторитарные популистские подходы в формировании политики противостояния пандемии, продемонстрировали большую уязвимость перед этой угрозой. Так, в зоне особых рисков в плане социально-экономических последствий пандемии оказались бедные страны с неэффективной и разбалансированной экономикой и слабыми государственными институтами. Украина, к сожалению, относится к когорте этих стран, поскольку сочетает эти институциональные и экономические риски. Как справедливо отмечают отечественные исследователи, “в Украине пандемия COVID-19 стала реальным вызовом не только как кризис в сфере здоровья населения, но и как социально-экономический кризис из-за его влияния на бедность [населения]” [Бородчук, Черенько, 2020]. И хотя экономические последствия пандемии и карантинных ограничений — это тема отдельного основательного исследования, не находящаяся в фокусе данной статьи, следует отметить, что прямые и опосредованные экономические эффекты пандемии для сектора здравоохранения, медицинского обеспечения и социального страхования, а также снижение уровня жизни, потеря работы многими людьми, убытки, а то и вовсе закрытие многих бизнесов и т. п., внесли свой вклад в весь широкий спектр негативных социальных и гуманитарных проявлений коронавирусного кризиса.

Актуализации биополитики и социального неравенства

В социологическом смысле глобальные тенденции социальных последствий пандемии означают также сдвиги конфигураций и артикуляций приоритетности базовых общественных ценностей и нормативных регулятивов, таких как свобода, ответственность, безопасность, цивилизность, равенство, доверие и солидарность. Карантинные ограничения, социальное дистанцирование, изоляция и прочие дисциплинарные форматы биополитики во время пандемии актуализировали во многих странах проблемы баланса между

правами и свободами человека (в частности свободой передвижения), с одной стороны, и безопасностью — с другой. Напряженность между концептами прав и безопасности наблюдается не только в теоретических и публичных дебатах, но и в практике судебных производств и в общественных акциях протеста против ограничений, в защиту гражданских прав и свобод, за свободу предпринимательской деятельности, что наблюдается во многих странах, включая Украину. В то же время государственно-административные регуляции, ограничения и локдауны в период карантина являются не только мерами, оправдываемыми необходимостью защиты безопасности и общественного здоровья. Они, по сути, становятся определенными тестами, испытаниями со стороны власти в отношении предельных для каждого общества порогов восприятия жесткости социального контроля. Эти пороги сравнительно выше в авторитарных обществах или в тех, где устои верховенства права и (или) общественная культура протестов недостаточно развиты. В частности, в Украине уже можно наблюдать акции протестов предпринимателей против карантинных ограничений и даже демарши некоторых местных властей с их отказами вводить жесткие карантинные меры.

Характерно, что понятие “биополитики” в интерпретациях французского социального мыслителя Мишеля Фуко обозначает новую технологию власти, связанную с рациональным контролем и регулированием населения как биологической сущности, например, введением властями политики в отношении рождаемости и страхования жизни, мер по общественной гигиене и общественной безопасности, включая и биологическую безопасность. Исторически эти технологии власти возникают, согласно Фуко, в Новое время в конце XVIII века, как раз после того, как массовые пандемии смертельных болезней, характерных для средневековья, перестают быть перманентной и бессрочной частью повседневной жизни благодаря разработке первых вакцин, внедрению мер общественной санитарии и распространению массовой гигиенической культуры.

Биополитические технологии XXI века по-своему также связаны с пандемией, мерами по ее преодолению и различными способами контроля поведения населения со стороны властных институтов, в частности через карантинные регуляции и ограничения. В современную эпоху в арсенал биополитической инженерии вовлечены самые современные цифровые средства и технологии для наблюдения за людьми, контроля за их поведением в рамках карантинных режимов изоляции, отслеживания сетей и, в случае необходимости, блокирования цепочек физических коммуникаций в ячейках инфекционных вспышек и т. п. В разных странах, даже со схожими политическими режимами, политика противостояния пандемии зимой и весной 2020 года приобретала различные институциональные конфигурации в поисках собственного соотношения между безопасностью и свободой: от либеральной шведской модели до жестких карантинных ограничений и контроля за ними в Китае.

Опыт пандемии обуславливает также общественную оценку эффективности и приемлемости карантинных ограничений на центральном и местном уровнях. Одним из важных исследовательских инструментов таких оценок служат социологические опросы общественного мнения. Вместе с тем, оценивая результаты подобных исследований, нужно учитывать время их проведения в сопоставлении с периодом и динамикой самой эпидемиологической

ситуации. Например, исследование Киевского международного института социологии (КМИС), проведенное в апреле 2020 года¹, совпадает во времени с пиковым моментом так называемой первой волны распространения коронавирусной инфекции в Украине и довольно жесткими первичными карантинными ограничениями этого периода. В ответах на вопрос *“Насколько успешно или не успешно, по Вашему мнению, новая власть (президент Зеленский, Кабинет Министров, Верховная Рада, правоохранительные органы) справляется с задачами противодействия эпидемии коронавируса в Украине?”* мнения респондентов разделились почти поровну: 46% из них считали деятельность власти в этом направлении успешной, 43% — неуспешной. В то же время на фоне этой довольно одобрительной общей оценки власти в ее противодействии пандемии в апреле 2020 года как некая непоследовательность, а то и иррациональный диссонанс в массовом сознании выглядят весьма критичные оценки конкретных мер. Так, подавляющее большинство респондентов оценивали как “неуспешные” предложенные в опросе направления властного противодействия коронавирусу [КМИС, 2020], а именно:

- обеспечение больниц страны достаточным количеством тестов на коронавирус 65% респондентов оценили как “неуспешное” и только 12% — как “успешное”;
- обеспечение врачей и медицинских сестер средствами индивидуальной защиты (масками, халатами, перчатками и т. п.) 70% — как “неуспешное”, 12% — как “успешное”;
- обеспечение населения Украины средствами индивидуальной защиты (масками, перчатками, антисептиками и т. п.) 80% — как “неуспешное”, 14% — как “успешное”;
- предотвращение возможных экономических трудностей в Украине, связанных с эпидемией коронавируса, 66% — как “неуспешное”, 14% — как “успешное”.

Социологические исследования общественных реакций, массового поведения и общественного мнения в период пандемии, как и в другие периоды кризисных явлений в обществе, не менее важны, чем медицинские, в частности эпидемиологические отчеты. Собственно социология пандемии является обязательной составляющей фундаментальных эпидемиологических исследований, в том числе и для формирования рациональной и эффективной политики противодействия пандемии. Важность этих исследований, в частности прогнозирование поведенческих моделей населения, его реакций на карантинные ограничения, социальных аспектов хода и социальных последствий пандемии заключается в том факте, что вирус является биологическим агентом, однако пандемия распространяется через социальные интеракции.

¹ Опрос КМИС с 7 по 11 апреля 2020 года методом телефонных интервью на основе случайной выборки мобильных телефонных номеров. Выборка (2000 респондентов) репрезентативна для взрослого населения (в возрасте 18 лет и старше) Украины. В выборку не включены территории, которые временно не контролируются властью Украины — АР Крым, отдельные районы Донецкой и Луганской областей. Статистическая погрешность выборки не превышает: 2,2% для показателей близких к 50%, 2,1% — для показателей близких к 25%, 1,4% — для показателей близких к 10%. — <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=930&page=7>.

Во время пандемии актуализируются проблемы социального неравенства, которые могут проявляться, в частности, в уровнях доступа разных граждан к качественной медицинской защите и лечению, в социально-экономических возможностях семей по обеспечению существования в период карантинных ограничений и т. п. И хотя вирус не выбирает свои жертвы по достатку или социальному положению, степень уязвимости в плане последствий пандемии различна для бедных и для богатых — как для индивидов, так и для государств. В этом смысле социология может диагностировать риски возможных социально-структурных турбулентностей и попытаться ответить на важный исследовательский вопрос: станет ли пандемия своего рода “великим уравниателем” или, наоборот, усилит и обострит социальное неравенство в Украине?

Одним из современных аспектов и проявлений социального неравенства, характерного также и для Украины, является проблема цифрового неравенства, или скорее так называемого цифрового разрыва среди населения. Карантинные требования и ограничения пандемии, а также требования быстрого и нередко вынужденного перехода многих обычных коммуникаций и услуг, в том числе образовательных, на дистанционный онлайн режим обострили эту проблему. Ведь многим гражданам еще весьма сложно адаптироваться к этим новым вызовам и требованиям — то ли из-за отсутствия цифровых навыков, то ли просто из-за ограниченного доступа к интернету. Согласно данным мониторингового опроса Института социологии НАН Украины за 2020 год, почти четверть (22,9%) всех респондентов по тем или иным причинам не пользуется интернетом. Проблема цифрового разрыва особенно актуальна для таких уязвимых социальных групп, как люди пожилого возраста и люди с низким достатком. Жители сел и небольших поселений также часто находятся в зоне рисков цифрового неравенства, в частности из-за возможных технических проблем качественной цифровой связи, отсутствия инфраструктуры и даже из-за ограниченных финансовых возможностей.

Новые правила коммуникаций: социальные и общественно-психологические вызовы

В период пандемии произошла трансформация привычных способов социальной коммуникации, изменилось восприятие рисков информационной безопасности в связи с расширением коммуникационных контактов с традиционными медиа и интернет-ресурсами, произошли изменения в культурной партиципации граждан благодаря массовому опыту овладения сетевыми культурными и коммуникационными практиками, новыми формами виртуального участия в сообществах. Будут ли эти изменения временными, компенсаторными или же проецируемыми на будущее, — во многом это зависит от дальнейшего развития пандемии. Но ясно и то, что этот новый социальный опыт требует исследований.

Социальный опыт физического дистанцирования во время пандемии актуализирует проблемы социальной ответственности и солидарности. Карантин — это тест и для способности гражданского общества к солидарности, кооперации и социальной помощи, особенно уязвимым слоям населения. Это также относительно новый общественный опыт противостояния угрозам социального дистанцирования в его первичном социологическом

понимании — а именно проявления ксенофобии и агрессии, поискам виновных и стигматизации инфицированных. События в поселке Новые Санжары на Полтавщине в феврале 2020 года, когда люди активно протестовали против размещения в местном санатории на временную изоляцию эвакуированных из Китая граждан, стали одним из таких случаев в Украине. Причиной протестов были не только естественные опасения людей для собственной жизни и безопасности, страх перед неизвестным и относительно новым на то время для страны вирусом, но и провал задачи эффективной коммуникации с людьми со стороны центральных и местных властей. Кстати, в тот период никто в Новых Санжарах не заболел COVID-19, и первый случай инфицирования вирусом в поселке был зафиксирован лишь спустя полгода после тех событий.

Случаи агрессии, стигматизации инфицированных, а также проявления дискриминации, ксенофобии и расизма, в частности к лицам азиатского происхождения и китайцам, вплоть до физических нападений на этих людей были далеко не единичными в мире. Более того, иногда даже официальные и правительственные лица прямо или косвенно поощряли ксенофобские настроения, в частности прибегая в своих публичных выступлениях к антикитайской риторике. Пандемия обеспечила также своеобразную питательную почву для активизации ультраправых, радикально националистических и антииммигрантских партий и движений в Европе и США. Проблема приобрела столь глобальный масштаб, что 8 мая 2020 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш был вынужден признать, что пандемия продолжает высвобождать “цунами ненависти и ксенофобии” и призвал правительства всех стран ответственно действовать, чтобы “усилить иммунитет наших обществ против вируса ненависти”¹.

Самый используемый во время пандемии термин “социальная дистанция”² — стал одним из центральных понятий, аутентичная артикуляция смыслов которого обозначает демаркацию между солидарностью и кооперацией, с одной стороны, и стигматизацией и ксенофобией — с другой. В социологии понятие “социальная дистанция”, начиная с Г. Зиммеля, обозначает положение социальных групп и индивидов в социальном пространстве, их соотношение, уровень близости или отдаленности, взаимосвязь или отчуждение друг от друга. В целом это значение сохраняется в различных социологических интерпретациях, в частности в используемой в эмпирической социологии шкале социальной дистанции Э. Богардуса, являющейся способом эмпирического измерения показателей субъективных чувств в плане аффективного восприятия разных социально-культурных групп и индивидов. Социологические измерения социальной дистанции до представителей различных социально-культурных или национальных групп, как правило, являются эмпирической основой для исследования уровня толерантности к социокультурным отличиям или ксенофобии в обществе.

¹ Antonio Guterres on Twitter. Retrieved from: <https://twitter.com/antonioguterres/status/1258613180030431233?s=20/>

² По версии британского словаря Collins “социальная дистанция”, “коронавирус” и “самоизоляция” вошли в перечень наиболее употребимых слов в 2020 году. А термин “локдаун” признан словом 2020 года. Получено с: <https://www.radiosvoboda.org/a/news-lockdown/30940255.html>.

Однако во время пандемии термин “социальная дистанция” приобретает новый смысл, а именно — физически-пространственная *дистанция* между индивидами в повседневных коммуникациях и интеракциях¹. Отождествление физического отстранения с социальной дистанцией не совсем корректно, ведь в новых правилах общественного сосуществования во время карантина речь идет как раз о физически-пространственном, а не социокультурном дистанцировании от других людей: то есть об избегании скопления людей, практике самоизоляции (особенно в случае необходимости вследствие подтверждения тестами инфицирования), ограничении физических контактов, таких как рукопожатие, с другими, особенно с незнакомыми людьми.

Это, впрочем, не означает отмены человеческого общения или нивелирования таких гражданских правил социальных коммуникаций, как доброжелательность, вежливость, поддержка ближнего. Хотя признаком новой реальности, то есть новых правил, является то, что такие общения все чаще осуществляются через мобильную связь или социальные сети. Насколько трансформируются сами социальные коммуникации, укоренятся ли и насколько новые правила виртуальных контактов уже после пандемии — пока вопрос открытый.

Ведь пандемия с ее новыми правилами безопасности не только накладывается на разные культурные особенности общения, которые, например, в странах Средиземноморья (уже упоминавшихся выше Греции и Испании, Италии, Франции и др.) предполагают более близкую, нежели в странах Северной Европы, интерактивную физическую дистанцию в коммуникациях между людьми [Sorokowska et al., 2017]. Новые правила безопасности в период пандемии по-своему ограничивают едва ли не самую фундаментальную человеческую потребность быть социальным существом, а значит — *социализироваться*, находиться в коллективе, группе, общаться, посещать социальные события и встречи и т. п. — и именно в непосредственном общении видеть друзей, собираться в группы и прикасаться друг к другу во время приветствия. Конечно, новейшие технологии и виртуальные общения могут помочь сохранять, поддерживать и даже развивать социальные, профессиональные или личные связи, но не могут полностью заменить собой или даже полноценно компенсировать отсутствие живого общения “лицом-к-лицу”, хотя бы потому, что в нем чрезвычайно много невербальных и эмоциональных смыслов. И здесь возникает парадокс новых социальных правил пандемии — физическое отстранение, соблюдение правил карантина, ношение маски и т. п. и оказывается лучшим в этих условиях способом не только заботы о близких людях и знакомых, но и социальной ответственности в отношении незнакомых. Иными словами, соблюдение правил в период карантина — это признак и индикатор гражданского здоровья самого общества.

¹ Аналогичная трансформация смысла произошла и со словом “локдаун” (lockdown — с английского буквально “закрытие”). Термин сначала был частью словаря пенитенциарной системы и означал дисциплинарное наказание путем содержания заключенных в своих камерах в результате определенных нарушений с их стороны. Пандемия внесла новый смысл в этот термин, и “локдаун” начал ассоциироваться с жесткими мерами карантинных ограничений для обеспечения общественного здоровья.

Вместе с тем новые правила физического дистанцирования и изоляции имеют свою высокую социально-психологическую цену. Коронавирусная пандемия создает мощный негативный фон психологического стресса для многих людей, особенно таких уязвимых категорий, как одинокие пожилые люди или люди с проблемами здоровья. И этот стресс отличается от, например, повседневного и, в частности личного, опыта пребывания в стрессовой ситуации в Киеве после Чернобыля весной и летом 1986 года. Тогда люди боялись зараженного радиацией воздуха, ветра или пыли, радиоактивных физических локаций и предметов. Во время пандемии COVID-19 новые правила предлагают бояться людей, особенно незнакомых, относиться к ним с опасениями, ведь каждый другой может быть потенциально инфицирован. И это существенно отличный социальный стресс.

В глобальном, а также в отечественном общественном дискурсе гораздо чаще звучит тема экономических последствий карантинных ограничений и локдауна, тогда как проблематика социальной и общественно-психологической цены пандемии все еще не получает должного освещения. Этот вопрос поднимает, например, известный американский социолог Эмитай Этциони [Etzioni, 2020]. Он, реферируя к профессиональным исследованиям в этой области, утверждает, что вынужденная социальная изоляция и одиночество, которые часто сопровождают пандемию, несут для людей такие серьезные психологические и даже соматические риски, как усиление психических расстройств, депрессий и агрессии, когнитивное и эмоциональное подавленное состояние, повышение давления, снижение иммунитета и т. п. А эффекты такого рода стресса, по данным исследований, равняются таким факторам риска, как курение до 15 сигарет в день, избыточный вес, отсутствие физической активности или загрязнение воздуха [Etzioni, 2020].

Отечественный опыт социально-психологических и стрессовых аспектов коронавирусной пандемии также уже существует и в дальнейшем аккумулируется, в частности в таких актуальных для карантинного режима формах социологических опросов, как онлайн опросы пользователей интернета. В качестве одного из примеров таких опросов стоит вспомнить онлайн исследование различных аспектов психологического самочувствия украинского сегмента пользователей Фейсбука, проведенное коллегами С. Дембицким, Е. Злобиной и Н. Сидоровым в период жесткого карантина в Украине в начале апреля 2020 года [Чи сильно карантин розхитав нерви українців, 2020]. По результатам этого исследования ученые выявили так называемую угрожающую пятерку основных факторов стресса во время карантинных ограничений и изоляции. Это: страх респондентов перед вероятностью заболеть COVID-19, заикленность на новостях об этой болезни, частота заболеваний респондентов в последние полгода, оценка напряженности отношений с людьми, вместе с которыми проживает респондент, и тревоги по поводу своей способности оставаться дома в случае введения строгого карантина. К категории лиц, которым трудно, по их мнению, постоянно находиться дома, относился каждый пятый опрошенный как среди женщин, так и среди мужчин. Следовательно, по мнению исследователей, этой страх перед вынужденной самоизоляцией и, по сути, депривация в результате ограничения социальных коммуникаций во время карантина стали, по крайней мере весной 2020 года, потенциально наиболее массовым стрессором для людей [Чи сильно карантин розхитав нерви українців, 2020].

Изучение проблем общественно-психологического здоровья в ситуации пандемии, анализ социальной напряженности, динамики эмоциональных состояний и изменений в структуре социальных страхов составляют важную исследовательскую задачу в глобальном измерении. Но эти вопросы, как и некоторые другие социальные аспекты пандемии, имеют свои особенности в Украине.

Социальные особенности пандемии COVID-19 в Украине: социологическое измерение

Особым общественным фоном протекания пандемии COVID-19 в Украине, обуславливающим также специфику ее социальных последствий, является многофакторный спектр общественных обстоятельств, в частности незавершенность сложной общественно-политической трансформации страны, неконсолидированный характер демократической культуры, доминирование преимущественно патерналистских общественных ориентаций и соответствующих поведенческих паттернов среди населения, неустойчивость демократических институтов и неудовлетворенность граждан их неэффективным функционированием, низкий уровень общественного доверия к институтам государственной власти, негативная динамика социального неравенства. К этому спектру общественно-политических и институциональных проблем добавляются еще и социальные травмы и гуманитарные последствия аннексии АР Крым Российской федерацией и продолжающийся военный конфликт на Донбассе, а также неблагоприятные обстоятельства экономико-финансового кризиса, который начал разворачиваться в стране еще до периода распространения коронавирусной инфекции. Сложный общественный фон пандемии в Украине определяет и особенности ее социальных последствий и рисков, которые могут в частности генерироваться в разных формах социально-политических конфликтов и протестной активности, проявляться в нарастании социальной дезинтеграции и аномии, в углублении социального неравенства и усилении авторитарных общественных настроений. И если динамика последних тенденций может определяться некоторой инерционностью в своих проявлениях, то социальные конфликты, в том числе протесты против карантинных ограничений представителей малого и среднего бизнеса, а также демарши властей местного самоуправления против подобных решений центрального правительства, уже стали реалиями отечественного общественно-политического ландшафта в период пандемии.

Вместе с тем глубокие общественные потрясения и сложные кризисы в Украине, такие как общественно-политические противостояния Евромайдана 2013–2014 годов, аннексия Крыма и война на Донбассе со всеми ее политическими, экономическими и гуманитарными проблемами, выявили довольно высокую адаптивность поведенческих стратегий украинского общества, его социально-психологическую устойчивость практически на предельных стрессовых порогах. В этих общественных потрясениях обнаружили и лучшие качества гражданского общества, спотребности активных и ответственных граждан к самоорганизации, инициативе и социальной солидарности. Примерами этих проявлений стали такие самоорганизованные акции, как кампания “подвези медика” в условиях карантинного локдауна весны 2020 года, помощь филантропических организаций больни-

цам, волонтерская помощь. В условиях пандемии и ее дальнейшего развития в Украине возможны одновременные проявления и взаимодействие двух идеальных моделей, или доминирующих паттернов массового социального поведения: 1) социальное отчуждение, поведение “вольного всадника”, не скованного никакими социальными обязательствами, дальнейшая социальная атомизация и как следствие — нарастание аномии, недоверия, разрушения социальных связей, деморализации и страха и 2) осознанно социально ответственное поведение, поддержка кооперации, социальной солидарности, соблюдение норм civility, при помощи индивидуальных солидарных актов общего общественного здоровья и оптимизма. Общественная активность и социальное поведение людей преимущественно в рамках второго паттерна будет способствовать сохранению и укреплению своеобразного общественного иммунитета, который не менее важен, нежели формирование коллективного эпидемиологического иммунитета.

Национальные особенности течения пандемии, ее социальные аспекты, тревоги, ожидания и надежды массового сознания в этот период являются предметом внимания социологических исследований, в частности опросов общественного мнения в Украине. Как отмечалось, социологические исследования в этот период становятся важным методом изучения социального поведения и диагностики общественных настроений и дополняют эпидемиологические отчеты в плане понимания динамики и характера самой пандемии.

Приведем и проанализируем некоторые результаты такого социологического опроса общественного мнения в Украине касательно проблематики COVID-19 в рамках ежегодного мониторингового исследования “Украинское общество” Института социологии НАН Украины 2020 года¹. Опрос, проведенный в начале осени 2020-го — в период относительного затишья перед “второй волной” пандемии, подтверждает, что проблема пандемии коронавируса в той или иной мере волнует большинство респондентов нашей страны — в совокупности 72,2% их ответов утвердительные в этой связи, а около трети респондентов весьма озабочены этой проблемой (табл. 1).

По региональному распределению ответы на этот вопрос в основном не слишком отличаются от средних показателей по всему массиву, с чуть выше средней обеспокоенностью респондентов Запада и Центра — регионов, где статистика заболеваемости коронавирусом весной 2020 года демонстрировала более высокие показатели, чем на Востоке и Юге страны (табл. 1). В распределениях ответов респондентов на этот вопрос по демографическим показателям (пол, возраст, тип поселения) определенные различия наблюдаются в ответах женщин и мужчин (первых эта проблема волнует больше), а также респондентов разных возрастных групп. Так, люди старшего возраста

¹ Опрос СОЦИС по заказу Института социологии НАН Украины был проведен с 19 сентября по 9 октября 2020 года методом раздаточного анкетирования (самозаполнения анкеты респондентом). Выборка (1800 респондентов) репрезентативна для взрослого населения (в возрасте 18 лет и старше) Украины по полу, возрасту, типу поселения и делению страны на административно-территориальные единицы (области). В выборку не включены территории, временно не контролируемые властью Украины, — АР Крым, отдельные районы Донецкой и Луганской областей. Статистическая погрешность выборки не превышает 2,3%.

та (56 лет и старше) в большей степени обеспокоены проблемой коронавируса — 80,3%, чем представители среднего возраста (30–55 лет) — 68,2% и молодежи (18–29 лет) — 67,4%. И это закономерно, ведь в процессе информирования населения о коронавирусе постоянно подчеркивалось, что люди старшего возраста и с хроническими заболеваниями попадают в особую зону риска в плане последствий инфицирования.

Таблица 1

**Региональное распределение ответов респондентов на вопрос
“Скажите, насколько Вас беспокоит проблема эпидемии коронавируса?”
(2020, %)**

<i>Варианты ответа</i>	<i>Регионы Украины</i>				<i>В целом по стране</i>
	<i>Запад</i>	<i>Центр</i>	<i>Юг</i>	<i>Восток</i>	
Очень беспокоит	37,9	35,7	26,2	32,6	34,3
Скорее беспокоит	35,7	39,9	43,8	34,1	37,9
Скорее не беспокоит	12,6	13,2	12,4	15,4	13,5
Совсем не беспокоит	8,9	7,1	8,6	9,2	8,2
Трудно сказать	4,9	4,1	9,0	8,7	6,1

Следует отметить, что респонденты старшей возрастной когорты также более обеспокоены и в отношении перспективы развития коронавирусной пандемии, в частности в оценках рисков заболевания (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов разных возрастных групп на вопрос
“За последний месяц риск заболеть коронавирусом уменьшился,
повысился или не изменился?” (2020, %)**

<i>Варианты ответа</i>	<i>Возрастные группы респондентов</i>			<i>В целом по массиву</i>
	<i>18–29 лет</i>	<i>30–55 лет</i>	<i>56 лет и старше</i>	
Уменьшился	4,0	4,2	3,6	3,9
Повысился	49,5	48,3	55,7	51,0
Не изменился	31,1	31,9	26,1	29,8
Трудно сказать	15,4	15,6	14,6	15,2

На момент проведения опроса более четверти респондентов уже имели в своем ближнем окружении (среди близких, родных, соседей или знакомых) кого-то, кто заболел коронавирусом. В региональном распределении результаты показывают, что больше всего таких утвердительных ответов (свыше 40%) дали респонденты Запада страны и жители Киева (табл. 3). Это соотносится и с региональной статистикой эпидемиологической отчетности по случаям инфицирования с наибольшей их концентрацией на Западе и в Центре страны, в том числе в столице.

Естественно и то, что личный опыт информированности о заболевании коронавирусом людей ближнего круга повышает уровень тревожности самого респондента в отношении этой болезни. Так, среди респондентов, име-

ющих заболевших коронавирусом среди своих близких или знакомых, 45% отвечают, что их очень волнует проблема эпидемии. Тогда как среди респондентов, которые не имеют случаев заболевания среди своих родных или знакомых, лишь треть (30,7%) очень озабочены данной проблемой.

Таблица 3

Региональное распределение ответов респондентов на вопрос “Есть ли среди Ваших близких, родных, соседей или знакомых заболевшие коронавирусом?” (2020, %)

Варианты ответа	Регионы Украины и г. Киев					В целом по стране
	Запад	Центр	Юг	Восток	г. Киев	
Да	44,4	26,0	9,0	21,2	38,8	27,2
Нет	48,4	68,5	77,6	71,8	52,2	65,6
Трудно сказать	7,2	5,5	13,3	7,1	9,0	7,2

Важным аспектом этого мониторингового опроса были оценки респондентов эффективности усилий власти в противостоянии эпидемии коронавируса.

В основном (51,6% ответов) опрашиваемые довольно сдержанно оценивают эффективность усилий власти в борьбе против коронавируса, соглашаясь с тем, что “власть *что-то* делает, но этого недостаточно”, а 22% респондентов настроены весьма критично, полагая, что “власть *ничего не* делает для этого”. Больше всего эта позиция представлена среди респондентов Юга страны, около 40% которых весьма критично оценивают антикоронавирусные усилия власти.

Некоторые отличия в ответах на этот вопрос прослеживаются и в связи с образовательным уровнем респондентов. Люди с более высоким образовательным уровнем более требовательны и вместе с тем реалистичны в оценках мероприятий власти: так, 56% респондентов с высшим образованием считают, что властных усилий недостаточно, тогда как данной позиции придерживаются почти 45% респондентов со средним образованием (табл. 4). Вместе с тем респонденты с начальным и средним образованием чуть более категоричны в отношении того, что “власть ничего не делает”; с другой стороны, в этих группах людям труднее определиться с ответом на данный вопрос.

В динамике развития пандемии в Украине условно уже можно очертить три периода с соответствующими карантинными мерами: 1) март–май 2020 года — жесткий карантин, включая локдаун, остановку общественного транспорта в городах и метро в крупных городах, в том числе в Киеве; 2) июнь–сентябрь 2020-го — некоторое смягчение карантинных ограничений, так называемый “адаптивный карантин”; 3) с 14 ноября 2020 года — развитие “второй волны” пандемии и новое усиление, введение “карантина выходного дня” с перспективой дальнейшего усиления карантинного режима. Как отмечалось, упоминавшийся мониторинговый опрос проводился во второй, относительно мягкий, период карантина и содержал вопросы, касающиеся отношения граждан к возможным карантинным ограничительным мерам и сценариям в перспективе дальнейшего развития пандемии. Этот контекст важен, потому как текущая эпидемиологическая ситуация

также влияет на ответы. В целом общественное мнение ориентировано на поддержание определенного баланса между безопасностью и личной свободой и в целом по стране большинство граждан (42,5%) склоняются к позиции, что *“карантин нужно существенно смягчить, но некоторые ограничительные меры продолжить и дальше”* (табл. 5).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов разных образовательных уровней на вопрос “Что Вы думаете в отношении усилий власти по борьбе с распространением эпидемии коронавируса на территории Украины?” (2020, %)

Варианты ответа	Образовательный уровень респондентов				В целом по массиву
	Неполное или начальное среднее образование	Полное среднее образование	Неполное высшее образование	Высшее образование	
Власть делает все, что может	10,4	15,4	13,0	12,3	12,7
Власть что-то делает, но этого недостаточно	44,2	45,7	52,2	56,0	51,6
Власть ничего не делает для этого	25,7	23,5	22,1	20,4	22,1
Ваш вариант	1,6	0,9	1,7	2,7	1,9
Трудно сказать	18,1	14,5	11,1	8,6	11,6

Таблица 5

Региональное распределение ответов респондентов на вопрос “С каким из утверждений относительно карантина Вы согласны больше всего?” (2020, %)

Варианты ответа	Регионы Украины и г. Киев					В целом по стране
	Запад	Центр	Юг	Восток	г. Киев	
Карантин и строгие ограничительные меры нужно продолжать и дальше	16,8	27,9	10,0	22,0	35,1	21,6
Карантин нужно существенно смягчить, но некоторые ограничительные меры продолжать и дальше	49,1	40,5	36,7	42,2	33,6	42,5
Карантин и строгие ограничительные меры нужно уже прекращать	22,9	20,1	34,8	19,8	22,4	22,4
Трудно сказать	11,2	11,4	18,6	16,0	9,0	13,4

В региональном распределении среди респондентов Юга страны наблюдается больше всего сторонников (до 35%) полной отмены карантина и снятия сопутствующих ограничительных мер. Напротив респонденты круп-

ных городов с большим пониманием относятся к возможным сценариям строгих ограничительных мер, в частности почти треть респондентов города Киева поддерживают сценарий сурового карантина.

В то же время понятно и то, что после опыта весеннего локдауна, который ощутимо ударил по экономике страны, особенно по малому и среднему бизнесу, строгие меры карантинных ограничений вряд ли будут популярным решением среди подавляющего большинства населения. К тому же косвенным свидетельством того, что значительная часть общества не готова к принятию высокой социальной и прежде всего экономической цены карантинных ограничений, служит своеобразная иерархия существующих проблем, которые лично волнуют респондентов: пандемия коронавируса в качестве проблемы, лично волнующей человека, отмечена в 42% ответов. Однако представляется, что коронавирус не слишком изменил приоритеты наиболее актуальных и, к сожалению, уже почти хронических социально-экономических проблем населения. Респондентов больше волнует не столько сама пандемия, сколько сопутствующие социально-экономические и общественные негативные эффекты, в частности высокие цены на товары и услуги волнуют 76% респондентов, высокие тарифы на жилищно-коммунальные услуги — 61%, коррупция в органах власти и управления — 57%, а еще такая проблема, которую, в частности, заострила пандемия, а именно недоступность качественного медицинского обслуживания — это то, что волнует 47% респондентов.

Выводы

Подводя итоги этого обзора некоторых аспектов социальной проблематики и последствий пандемии COVID-19 в Украине, следует отметить, что наша страна не является уникальным кейсом социального опыта глобального коронавирусного кризиса. Во многих странах экономика и люди страдают от карантинных ограничений, актуализируются подходы биополитики, происходят изменения и трансформации в социальных коммуникациях, обостряются проблемы ограничения свобод, социального неравенства, массового социально-психологического стресса из-за таких сопутствующих последствий пандемии, как социальная изоляция, резкое ограничение контактов и обострившиеся страхи.

Но следует актуализировать вопросы отечественных особенностей течения пандемии с ее социальными и общественно-политическими последствиями и характера отечественного социального опыта, уже приобретенного в этот период. Эти особенности обусловлены тем, что в Украине универсальные социальные вызовы пандемии накладываются на национальную специфику и сочетаются с многофакторной общественной трансформацией. Последняя отличается незавершенностью общественно-политического реформирования страны, доминированием преимущественно патерналистских массовых ориентаций населения, слабыми институтами и неудовлетворенностью граждан их неэффективным функционированием, низким уровнем общественного доверия к институтам государственной власти, а также социальными травмами от продолжающегося военного конфликта и неблагоприятными обстоятельствами экономико-финансового кризиса. Особенностью Украины является также довольно развитое гражданское общество, способное генерировать лучшие практики социальной

самоорганизации и солидарности в периоды кризисной общественной напряженности в стране. Этот фактор, а также весьма высокая социально-психологическая адаптивность поведенческих стратегий украинского общества почти на предельных общественно стрессовых порогах также могут привнести свои особенности в социальный опыт, характер хода пандемии и преодоление ее последствий.

Социальные последствия пандемии COVID-19 в Украине могут проявиться двояко: как негативный катализатор, усиливающий проблемность незавершенной общественной трансформации в стране либо как своеобразный “уравнитель”, то есть фактор, благодаря которому ценности безопасности, общественного выживания, толерантности и солидарности будут приобретать приоритетное значение. Задача отечественной социологии в этот период — всестороннее исследование социальных вызовов и рисков коронавирусной пандемии, но также и перспектив и возможностей этого нового социального опыта как интегральной составляющей общественной трансформации в Украине.

Источники

Бородчук, Н., Черенко, Л. (2020). *Борьба с COVID-19 в Украине: начаткові оцінки впливу на бідність*. Отримано з: <https://www.unicef.org/ukraine/media/5811/file/COVID%20impact%20on%20poverty%20ukr.pdf>

Вплив COVID-19 та карантинних обмежень на економіку України (2020).

Центр прикладних досліджень. Представництво Фонду Конрада Аденауера в Україні. Отримано з: <https://www.kas.de/uk/web/ukraine/einzeltitel/-/content/vpliv-covid-19-ta-karantinnih-obmezen-na-ekonomiku-ukraini>

КМІС (2020). *Оцінка успішності влади та реакція суспільства на епідемію коронавірусу та політичні події в Україні* [Прес-реліз]. Отримано з: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=930&page=7>

Чи сильно карантин розхитав нерви українців? (2020). Результати дослідження Інституту соціології НАН України. Отримано з: <https://i-soc.com.ua/ua/news/chi-silno-karantin-rozhitav-nervi-ukrainciv-rezultati-doslidzhennya-institutu-sociologii-nan-ukraini1>

Etzioni, A. (2020). *The Sociology of Surviving the Coronavirus*. Retrieved from: <https://nationalinterest.org/feature/sociology-surviving-coronavirus-133512>

Kenworthy, L. (2020). *Social democratic capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

Pappas, T. (2020) *The politics of pandemic prevention in Spain and Greece*. Retrieved from: <https://pappaspopulism.com/coronavirus-spain-and-greece/>

Pepinsky, T. (2020). *Political Economy and Democratic Capacity to Respond to Pandemics*. Retrieved from: <https://items.ssrc.org/covid-19-and-the-social-sciences/democracy-and-pandemics/political-economy-and-democratic-capacity-to-respond-to-pandemics/>

Sorokowska, A., Sorokowski, P., Hilpert, P. et al. (2017). Preferred Interpersonal Distances: A Global Comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 48 (4), 577–592. DOI:10.1177/0022022117698039

Получено 24.11.2020

References

Borodchuk, N., Cherenko, L. (2020). *Fighting COVID-19 in Ukraine: initial estimates of the impact on poverty*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.unicef.org/ukraine/media/5811/file/COVID%20impact%20on%20poverty%20ukr.pdf>. [=Бородчук, Черенко 2020]

Etzioni, A. (2020). *The Sociology of Surviving the Coronavirus*. Retrieved from: <https://nationalinterest.org/feature/sociology-surviving-coronavirus-133512>

How did the quarantine shake the nerves of Ukrainians? (2020). The results of the study by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://i-soc.com.ua/ua/news/chi-silno-karantin-rozhitav-nervi-ukrainciv-rezultati-doslidzhennya-institutu-sociologii-nan-ukraini1> [=Чи сильно 2020]

Impact of the COVID-19 and quarantine restrictions on the economics of Ukraine (2020). The Centre of applied research. Konrad Adenauer Foundation in Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.kas.de/uk/web/ukraine/einzeltitel/-/content/vpliv-covid-19-ta-karantinnih-obmezen-na-ekonomiku-ukraini>. [=Вплив COVID-19 2020]

Kenworthy, L. (2020). *Social democratic capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

KIIS (2020). *Assessment of government success and public response to the coronavirus epidemic and political events in Ukraine*. [Press-release]. [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=930&page=7> [=KMIC 2020]

Pappas, T. (2020) *The politics of pandemic prevention in Spain and Greece*. Retrieved from: <https://pappaspopulism.com/coronavirus-spain-and-greece/>

Pepinsky, T. (2020). *Political Economy and Democratic Capacity to Respond to Pandemics*. Retrieved from: <https://items.ssrc.org/covid-19-and-the-social-sciences/democracy-and-pandemics/political-economy-and-democratic-capacity-to-respond-to-pandemics/>

Sorokowska A., Sorokowski P., Hilpert P. et al. (2017). Preferred Interpersonal Distances: A Global Comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 48(4), 577–592. doi:10.1177/0022022117698039

Received 24.11.2020

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО

COVID-19 як нова соціальна реальність

Під кутом зору соціологічних підходів у статті розглянуто певні аспекти соціальної проблематики та наслідків пандемії COVID-19, зокрема проблеми інституційної спроможності та ефективності урядів у протистоянні пандемії, питання актуалізації біополітики та проблем соціальної нерівності, соціально-психологічні виклики пандемії. Зазначено, що глобальні наслідки пандемії позначають зсуви конфігурацій базових суспільних цінностей та нормативних регуляцій, таких як свобода, відповідальність, безпека, цивільність, рівність, довіра та солідарність. Адміністративні регуляції, обмеження та локдауни під час карантину є не лише заходами, виправдовуваними захистом безпеки та громадського здоров'я, а й певними тестами для випробовування владою граничних для кожного суспільства порогів сприйняття жорсткого соціального контролю. На підставі аналізу результатів соціологічних досліджень, проведених, зокрема, Інститутом соціології НАН України, окреслено особливості коронавірусної кризи в Україні. Ці особливості зумовлюються тим, що в Україні універсальні соціальні виклики пандемії поєднуються з багатofакторною суспільною трансформацією. Відтак соціальні наслідки пандемії COVID-19 в Україні можуть виявлятися у двоякий спосіб: як негативний каталізатор, що підсилює проблемність незавершеної суспільної трансформації або як своєрідний "зрівнювач", тобто чинник, за якого цінності безпеки, суспільного виживання, толерантності та солідарності будуть набувати пріоритетного значення.

Ключові слова: пандемія COVID-19, соціальні наслідки, біополітика, карантинні обмеження, коронавірусна криза, суспільна трансформація, Україна

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО

COVID-19 как новая социальная реальность

Под углом зрения социологических подходов в статье рассматриваются некоторые аспекты социальной проблематики и последствий пандемии COVID-19, в частности проблемы институциональной способности и эффективности правительств в противостоянии пандемии, вопросы актуализации биополитики и проблем социального неравенства, социально-психологические вызовы пандемии. Отмечается, что глобальные последствия пандемии означают сдвиги конфигураций базовых общественных ценностей и нормативных регуляций таких как свобода, ответственность, безопасность, цивилизность, равенство, доверие и солидарность. Административные регуляции, ограничения и локдауны во время карантина являются не только мерами, которые оправдываются защитой безопасности и общественного здоровья, но также и определенными тестами апробации властью пограничных для каждого общества порогов принятия жесткого социального контроля. На основе анализа результатов социологических исследований, в частности Института социологии НАН Украины, выделяются особенности коронавирусного кризиса в Украине. Эти особенности обуславливаются тем, что в Украине универсальные социальные вызовы пандемии соединяются с многофакторной общественной трансформацией. Отсюда социальные последствия пандемии COVID-19 в Украине могут проявляться двояким образом: как негативный катализатор, который усугубляет проблемность незавершенной общественной трансформации или как своеобразный “уравнитель”, то есть фактор, при котором ценности безопасности, общественного выживания, толерантности и солидарности будут приобретать приоритетное значение.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, социальные последствия, биополитика, карантин, коронавирусный кризис, общественная трансформация, Украина

VIKTOR STEPANENKO

COVID-19 as the new social reality

In the paper some aspects of social problematic and consequences of the COVID-19 pandemic are considered under the angle of sociological approaches. In particular these are the issues of institutional capacity and efficiency of government in facing the pandemic, the problems of actualization of biopolitics and of social inequality, social psychological challenges of the pandemic. It is argued that the global consequences of the pandemic imply the shifts in the configurations of basic societal values and regulations such as freedom, responsibility, security, civility, equality, trust and solidarity. Administrative regulations, restrictions and lockdown during quarantine are not only measures that are justified by the protection of security and public health, but also certain tests by the governments of the thresholds for the perception of strict social control. Based on the analysis of the results of sociological research, in particular by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, the features of the coronavirus crisis in Ukraine are outlined. These features are due to the fact that in Ukraine universal social challenges of the pandemic are combined with the country's multifactorial social transformation. Thus, the social consequences of the COVID-19 pandemic in Ukraine can manifest themselves in two ways: as a negative catalyst that exacerbates the problem of uncompleted social transformation or as a kind of “equalizer”, that is the factor in which the values of security, social survival, tolerance and solidarity will become a priority.

Keywords: COVID-19 pandemic, social consequences, biopolitics, quarantine restrictions, coronavirus crisis, social transformation, Ukraine